

Ледяная загадка.

Фантастический рассказ Д. Ж. Реджиса.

(Перевод с английского).

— Ладно ребята,—сдался старик-капитан на наши просьбы,—расскажу об одном происшествии, какого и нарочно не выдумаете.

Он отложил свою трубку и, порывшись в обвешанном бумажнике, вынул из него две измятые и засаленные газетные вырезки.

— Я открою вам истину об источнике того удивительного события, которое произошло на окраине Сибири, зимой, 1896—97 года.

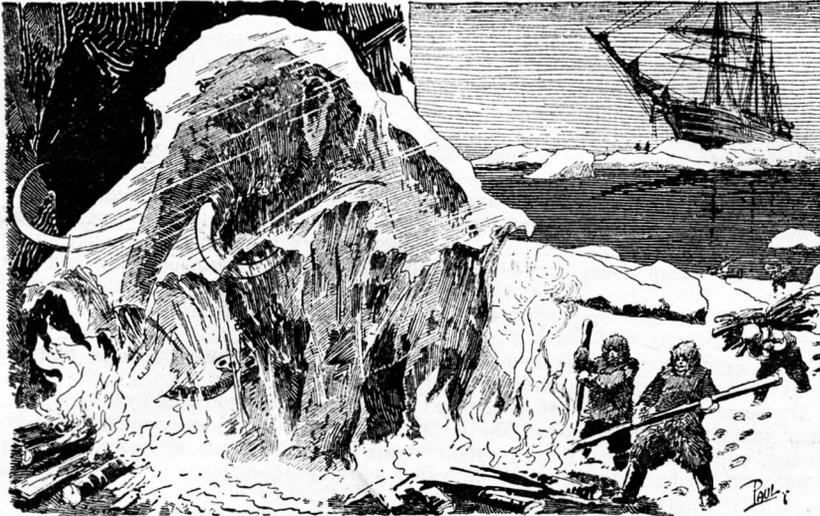
В ту зиму я плывал вдоль берегов Сибири на шведском китоловном судне „Белый Медведь“, и история, которую я вам расскажу, выяснит причину странных событий 1896 года.

Для тех из вас, кто случайно ничего о них не знает, я прочту эти две газетных вырезки.

„Декабря 29-го, 1896 г. *„Замечательное открытие“*. Утром в 1-й день Рождества, русский охотник, пришедший в поселок П., рассказал жителям, что он видел в нескольких милях к северу от поселка свежие следы какого-то колоссального зверя. Лично он думает, что это следы мамонта. Если рассказчик не ошибается, то этот факт является мировой сенсацией. Наш корреспондент должен добавить, что толстый слой вновь выпавшего снега уже скрыл в предстоящее время следы, обнаруженные охотником“.

„Января 9-го, 1897 г. *Гость из допотопных времен*. Неделю назад мы поместили коротенькую заметку о странном открытии, сделанном в неисследованной области Сибири. Это открытие подтверждается, как оказывается, и из другого источника.

„Если верить одному из искавших следы неизвестного животного, эскимосу Амзалику, то он свел с удивительным зверем довольно близкое знакомство. Он

Огонь сделал свое дело...

разыскивал следы до самых сумерок, пока начавший палать снег не сделал эти поиски безнадежными. Он уже собирался вернуться, как в темноте услышал шум, похожий, по его словам, на треск льда весною. В следующее мгновение зазвучали по замерзшей земле тяжелые шаги и неуклюжая гигантская тварь необычайного вида промчалась так близко около него, что он едва успел отскочить в сторону. Животное, несомненно, кем-то или кем-то было испугнуто, быть может самим Амзаликом. После того, как рассказ эскимоса стал известен, множество охотников устремилось искать таинственного зверя".

Когда эти заметки появились в печати, я с моим судном мерз в Полярном море, но мне потом говорили, что читатели газеты очень заинтересовались ими.

Много приводилось фантастических гипотез о появлении зверя; каждый строил свои предположения о том, откуда он явился. Между тем истина была фантастичнее всех этих фантазий.

Надо вам сказать, что в 1896 г. я отплыл 1-го августа из Гаммерфорста в качестве капитана китобойного судна „Белый Медведь“, которое впоследствии, весной 1899 года, затонуло от столкновения с ледяной горой недалеко от Архангельска.

План нашей экспедиции был обычный: продвигаться вдоль северных берегов Европы и Азии настолько далеко, насколько это окажется возможным, охотясь в пути за китами и тюленями, которых в этих местах год от года становится все меньше и меньше.

Экспедиция не носила характера чего-либо необычайного. Попытки регулярной охоты за китами в тамошних водах делались еще с середины 1800-х годов. Плавание обычно продолжается в таких случаях около года. За лето стараются проникнуть возможно дальше, зиму перезимовывают во льдах и весною возвращаются с грузом китового и тюленьего жира. Мы таким образом плыли вдоль берега от Колы и Канина в направлении к Калгуеву, — прогулка более длинная в действительности, чем на карте. Нам повезло. Через 3 месяца мы имели возможность выгрузить полный трюм на компанейской станции на Новой Земле. Поощренные таким успехом, мы пошли дальше к востоку, так что к началу зимы оказались на 114° вост. долготы в Море Норденшильда, следуя тем самым курсом, которым шла его „Вега“. Тут, в устье Ханготанского залива, мы решили зазимовать и начали готовиться к нашему временному здесь пребыванию.

Окружавшая нас обширная ледяная пустыня утомляла глаз своей монотонностью. Куда ни глянь, всюду расстиралось безграничное белое пространство. Исключением являлся небольшой островок, лежавший метрах в 50 от места стоянки судна и отделенный от твердой земли узкой полосой пролива. Это была скала, вершина которой, возвышалась на тысячу м от уровня моря. Этот остров, не отмеченный на картах, команда нашего судна окрестила „Островом Отца“.

ника". Пока корабль окружался со всех сторон льдом, мы строили на островке свое зимнее жилище. Наш новый приют состоял из двух комнат: большой и маленькой. В первой поселилась часть судовой команды, во второй — гарпунщик Ненсен, контролер от фирмы, на которую мы работали, — Берг, любимый всеми нами за свой хороший характер, — и я. На судне были динамо-машины, так что наше помещение освещалось и отапливалось электричеством.

Жизнь все же была не веселая. Сидя за поздним завтраком 24-го декабря, все мы в тайне хотели, чтобы случилось хоть что-нибудь, что внесло бы разнообразие в нашу жизнь, и наше желание, неожиданно для нас, исполнилось.

Мы еще не кончили завтрака, как в комнату влетел наш корабельный повар в сопровождении одного из матросов. Пораженный их вторжением, я спросил, что им надобно; но повар понес такую путаницу, что матросу пришлось прийти к нему на помощь.

— Замечательно открытие, капитан, — сказал он. — Идите с нами, взгляните на него сами.

Я встал и, не тратя время на расспросы, пошел за ними; четверо моих застольных товарищей последовали моему примеру.

Провожатые привели нас к подножью утеса, около которого уже собралась большая часть команды корабля. Мы подошли к ним по глубокому снегу. У отвесной стены, образующей одну из сторон утеса, скопилась на протяжении долгих лет громадная глыба льда. Повар обнаружил ее случайно, разведя костер вблизи скалы, чтобы обратить снег в пресную воду.

Результат получился неожиданный. Огонь растопил часть ледяной глыбы, и когда повар случайно взглянул в образовавшееся углубление, он от изумления сел прямо на снег. Тем временем огонь продолжал свое дело, и когда мы подошли к скале, впадина во льду была уже глубиной более 2 м. В этом, конечно, не было ничего удивительного, но сквозь тонкую ледяную стену ясно вырисовывался контур какого-то ископаемого животного. Окруженные голубым льдом, были видны уже два кривых клыка длиной каждый в рост человека.

— Ого! — воскликнул Берг. — Побольше топлива, мы освободим изо льда эту штуку.

Дров принесли, и костер затрещал и разгорелся.

Пламя бросало красный свет на ледяную массу, и ее тени казались темно-фиолетовыми, вдали переходящими в голубые.

Высоко над нами заискрились звезды, и широкая полоса северного сияния охватила полнеба. Костер, заливаемый тающим снегом, трещал и дымил снизу, но ярко горел вверх, питаемый сухим кустарником, который во многих местах, защищенных от ветра, вел борьбу с арктическим холодом.

Вокруг пламени костра столпилась вся команда „Белого Медведя“, с недоумением поглядывая друг на друга.

Контур громадного зверя выступал внутри ледяной глыбы все отчетливее и отчетливее. Лед становился с каждым мгновением тоньше и прозрачнее. Наконец из-под него показалось черное пятно, оно росло и обнаружило коричнево-серую шерсть чудовища.

— Это мамонт! — крикнул Берг.

Да, это был мамонт. Мои матросы собрались уже высвободить животное изо льда топорами, но я запретил им это, боясь чтобы они не испортили шкуру. Лед медленно стаял, и наконец, великан высвободился из его оболочки.

Неуклюжая тварь имела около 4 м высоты и $4\frac{1}{2}$ в длину, длина же хобота была больше роста самого высокого из нас.

Наш штурман, любивший блеснуть своей образованностью, заметил, что подобные открытия делались и раньше во многих местах Сибири и что лед, герметически консервировав тушу, предохранял ее от разложения. Мясо животных в этих случаях оказывается таким же свежим, как если бы они были убиты вчера, а не умерли тысячи лет тому назад. Чтобы доказать правильность своих слов, он ткнул мамонта ножом и показал нам, что его лезвие покрылось кровью.

Нас это изумило: ведь эта кровь, капавшая с ножа, обращалась в жижа животного за тысячи лет до нашего появления на свет!

Тем временем команда продолжала подбрасывать топливо в костер, и его пламя играло тысячами искр на ледяном покрове скалы. Эта сцена в темноте морозного вечера вблизи полярного круга была так фантастична, что кажется нас не удивило бы, если бы мамонт ожил и зашевелился. Штурман обходил его со всех сторон, трогал его руками, измерял тушу со всех сторон и не уставал просвещать нас своей импровизированной лекцией.

Нам стало казаться, что чудовище действительно шевелится. Мы, затаив дыхание, не спускали с него глаз.

Тем временем огонь сделал свое дело; лед, тысячи лет хранивший тело великана, окончательно стал, и колосс, ничем не поддерживаемый, стал склоняться на бок. С шумом, потрясшим землю, он рухнул, задув струей воздуха костер, как мы задуваем свечу.

Одновременно произошло нечто другое. Еще в то время, пока мамонт стоял около стены, мы заметили, что своим телом он прикрывает какую-то выемку в ровной поверхности.

Много лет прошло с тех пор, но и сейчас я отчетливо вижу то, что мы увидели в тот момент, когда рухнула эта преграда.

Заметьте, что до этого мы месяцами не видели ничего вокруг, кроме однообразного снежного покрова. Надо пережить эти долгие дни, в течение которых нашему взору не представлялось иной картины, чтобы понять всю силу нашего изумления перед открывшимся нам зрелищем.

Насколько хватал глаз, мы увидели скалистый проход, покрытый побелевшими скелетами и черепами животных. Эти безмолвные свидетели хранили тайну пещеры со времен глубочайшей древности. Повидимому, этот выход из недр земли на ее поверхность был только преддверием целого лабиринта подземных пещер.

— Вперед товарищи! — крикнул Берг, устремляясь в подземелье.

— Подождите пока принесут фонарь. — попытался я удержать энтузиаста.

— Нет надобности, здесь светло!

Его ответ звучал глухо, как из колодца. Мы колебались последовать его примеру, но, после недолгого раздумья, четверо, в том числе и я, вступили под своды пещеры. Берг издали звал нас и его голос усиливался многократным эхо, отражавшимся от стен лабиринта. Камни разных размеров в хаотическом беспорядке загрождали проход и пробираться вглубь его можно было только с трудом. Через несколько минут расщелина привела нас в громадную пещеру, стены которой терялись в неясном сумеречном освещении. Всюду виднелись кости, красноречивые, хотя и немые свидетели долговременности протекших лет. Воздух был сух, холоден и наполнен запахом тления. Почва между костями была покрыта пыльным ковром неведомых растений, большинство которых фосфоресцировало, освещая пещеру. Там были папоротники, невероятной высоты, мхи величинной с дерево, незнакомые цветы бледных, но восхитительных оттенков.

Мы жадно гляделись в эту картину, но Берг торопил нас идти дальше. Через несколько шагов мы услышали журчание ручья и увидели поток, медленно извивавшийся между камнями. На берегу его валялись скелеты людей. Я поднял один из скалящих зубы черепов, и он, смотря на меня нустыми вадинами глаз, словно говорил: — „Ну-ка, угадай мою тайну, если можешь“.

Откуда вблизи полюса могла взяться эта роскошная зеленая растительность, заполнявшая подземелье?

Пройдя еще немного по течению потока, мы нашли объяснение этому странному факту. Ручей вытегал из щели в одной из стен пещеры, и когда я опустил в него руку, то почувствовал, что вода, совсем теплая. Это был горячий подземный источник, и штурман объяснил нам, что мы стоим в кратере давно угасшего вулкана.

Мы открыли первобытный рай, правда, сумеречный и молчаливый, но производивший впечатление роскошного сада в сравнении с холодной ледяной пустыней, окружавшей его со всех сторон. Перепрыгивая с камня на камень, мы перешли на другую сторону потока и начали подниматься по склону, на вершине которого виднелось новое отверстие в еще большую пещеру. Фосфоресцирующие папоротники там и тут излучали слабый свет, озаряя скалы.

— Странно. — заметил я, — мне кажется, будто...

— Пахнет конюшней, — прервал меня Берг.

— Сотнями конюшень, — подтвердил штурман и громко крикнул, обратившись лицом вглубь пещеры.

Эхо ответило таким громовым и страшным отголоском, что мы невольно вздрогнули.

— Какое мощное эхо, — заметил Берг, слегка побледнев.

После того как раскаты эхо умолкли, вновь наступила торжественная тишина. Мы стояли не шевелясь.

— Там внизу, где земля сырая... — прошептал смущенно штурман.

— Что там? — спросил я.

— Да разве вы не видите, что она усеяна следами.

— Что это? — воскликнул Берг. — Следы мамонтов! И еще каких-то более крупных животных. Иные совсем старые и высохшие, иные оставлены недавно, некоторые быть может сегодня...

Он произнес последние слова с таким изумлением, что мы все наклонились ближе. Это показалось нам более удивительным, чем все, виденное раньше.

— Гм,—промоловил Берг, стараясь говорить твердым голосом:—с меня довольно, я возвращаюсь.

— Да, идем обратно,—поддержал его я.

Как раз в этот самый момент вновь раздалось словно эхо, хотя мы обменивались словами вполголоса.

Из темноты послышалось громовое рычание, прерываемое короткими интервалами. Оно гремело все ближе и ближе, сопровождаемое как бы ударами громадного молота о землю.

Волосы у меня стали дыбом и руки бессильно повисли; мне казалось, что своды пещеры рушатся на наши головы.

Что-то массивное ворочалось и топало за лежавшими в глубине пещеры каменными глыбами.

Не промоловив слова, штурман показал пальцем. Я взглянул в ту сторону.

— Что это!—прошептала. Там, окруженный громадными папоротниками, стоял товарищ допотопного чудовища, извлеченного нами из льда, но живой и, кажется, совершенно другой породы. Его ноги были, как у слона, но тело длиннее и толще и покрыто как бы красной щетиной. Голова бесформенная с тупым рылом и громадной широкой пастью. Хвост, которым чудовище било по земле,—длинный и толстый, похожий на хвост ящерицы.

Гигантская ящерица, или не знаю как назвать эту тварь, двинулась в нашу сторону. Не могло быть сомнения, что мы замечены ею, ее глаза с алчностью уставились на нас.

Момент мы, люди с корабля „Белый Медведь“ и допотопное страншилище, стояли лицом друг к другу. Затем штурман, очнувшись первым, прыгая через камни и древесные стволы, пустился в бегство. За ним помчались и мы.

Кто-то из нас,—хотел бы думать, что это был не я,— пронзительно вскрикнул. Мы бежали, спасая свою жизнь, а за нами гремели раскаты грома, производимого топотом чудовищных ног нашего преследователя и ревом его могучей глотки.

Штурман бежал, как сумасшедший; я следовал за ним; за мною Берг и наш четвертый спутник, а за его спиной—чудовище.

В таком порядке мы достигли прохода, выводящего из пещеры. Он был слишком узок для гнавшегося за нами зверя, но мы не сообразили этого и продолжали мчаться сломя голову. Нам казалось, что животное все еще следует за нами, и мы старались бежать, как можно быстрее.

Мы уже почти задохнулись, когда навстречу нам повеяло холодом и мы выскочили на свежий воздух. Снег валил густой пеленою. Мертвая снежная пустыня вновь расстилалась перед нами. На полдороге к дому нас встретил человек с фонарем. Северный ветер разгулялся во всю, и гонимые им льдины грозили нашему кораблю.

Две недели работали мы не покладая рук, днем и ночью, чтобы освободить судно. Когда, наконец, это удалось, мы отдрейфовали судно настолько далеко, что не рискнули вторично вернуться на остров Отшельника. Ледяная пустыня скрыла открытый нами первобытный рай. Но все равно, я ни за какие блага мира не согласился бы вторично в него проникнуть.

Теперь вы понимаете, откуда появилось чудовище, напугавшее Амзалика.

Вернулось ли оно обратно в пещеру, замерзло ли где-нибудь в безграничных пустынях Северной Сибири,—кто знает! Но найти его никому так и не удалось.